

АНДРЕЙ РУДАЛЁВ

БРАНЬ С ПУСТОТОЙ

Основной сюжет русской культуры

Совершенно элементарная вещь: мировоззрение средневекового человека было чётко структурировано. В основе — тернарная оппозиция: Бог–человек–сатана (к слову, эта оппозиция является структурообразующей в стихотворении Лермонтова “Нет, я не Байрон”, реализуясь в несколько измененном виде: Бог–я–никто). По этой вертикальной линии выстраивались все прочие противопоставления, которые регламентировали человеческую жизнь и поведенческую модель: добро–зло, целое–часть, мир–брань, правое–левое, центр–периферия, красивое–уродливое, правда–ложь, добродетель–грех и другие.

Эта система была предельно понятна человеку, она опиралась на основной библейский принцип свободы воли. Человек — в центре вертикали, и он волен выбирать: либо по лестнице добродетелей подниматься вверх, либо совершать падение вниз. Остальное от лукавого — соблазн, морок.

Важно ещё и то, что, в отличие от Нового времени, культуре Средневековья неведома была категория характера, да и такого понятия, как личность, не существовало. Плохо ли это, была ли, исходя из этого, та культура ущербной? Едва ли. Всё то сложное сочетание многих индивидуальных качеств, которые мы подразумеваем под характером, перекрывалось такой категорией, как духовная брань. Человек — личность, индивидуум — нечто греховное, неполноценное, это часть, отпавшая от целого (можно вспомнить лермонтовский “Листок”). Это состояние должно быть преодолено, исправлено. Ради этого исправления человек ведёт внутреннюю и внешнюю духовную брань. Часть имеет смысл только в единстве с целым, в общности. Вспомним евангельское: “Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них”.

Отсюда происходит ещё одна важная особенность: переживание одиночества, тоски, печали, уныния, так свойственные человеку Нового времени, средневековым сознанием воспринимались как проявление дрейфа в греховное. Это отказ от ведения духовной брани, которая составляет смысл человеческой жизни и является основным путём его обожения. Если современный человек возвёл личное одиночество практически в культ, то, например, для христианского подвижника было характерно переживание целого, особого единства.

Подвижник воспринимает себя частью особого духовного полка, ведущего беспрестанную брань. Даже в уединении, в глухой пустыне или лесной чаще он ощущал себя находящимся практически в луковиче этого единства — особой многослойной целостности, которая и слагает духовный полк, в кото-

ром он состоит. Подвижник шёл по стопам Спасителя и старался во всём уподобляться Его земному пути, параллельно ощущая Его присутствие, воспринимая Его как вождя. Такое же единение он переживал со святыми, которые уже прошли этим путём и составляют небесный духовный полк. Также единством сочетался он и с другими соратниками, сподвижниками, братьями, шествующей по этому же пути. Была ещё и внутренняя духовная крепость человека, который измерял свою жизнь по шкале тернарной вертикали. Традиция и настоящее, божественное и человеческое – всё это составляло ощущение единства, особые доспехи в духовной брани. Современный человек иллюзию подобия этого ощущения пытается выстроить, к примеру, в соцсетях.

Стремление к этому единству, преодоление состояния части, розни, отчуждённости, разобщённости, пустоты составляет генетическое свойство отечественной культуры. В этом её главный смысл, стержень и движитель. Линия этой брани с пустотой и разделённостью проходит через всю отечественную тысячелетнюю культуру и историю.

Здесь Бог с сатаной борется, а поле битвы – не только сердце человека. Потому как сердце – это не столько индивидуальное “Я”, сколько соборное “мы”. Эта брань отражается и распространяется во всех. Тот же классический русский персонаж героя-правдоискателя – это далеко не пассивный наблюдатель-натуралист, а скорее воин, отправившийся в поход с целью устроить особый порядок в мире, основанный на нравственных принципах.

Один из апофеозов этой брани пережила страна и в недавней своей истории. Когда общество впустило в себя пустоту, допустило девальвацию и перереформатирование ценностей, когда отказалось от борьбы, отступая перед разрухой. Когда пустынная эрозия стала разъедать и внешний мир, и внутреннее духовное пространство.

Появилось даже ощущение целого поколения пустоты. Это не клеймо, не субстанциональный признак, а некое общее тягостное мировосприятие, которое необходимо преодолеть. Бесплодная пустыня – аллегория души, покинутой Богом, грехопавшей, но в то же время – это особый этап на пути. В нём можно завязнуть и погибнуть, а можно выйти из него преобразённым.

Превалировало ощущение себя как осколков, разрозненных частей былого, но потерянного единства, ставшего теперь бесформенной, хаотической массой. Мир стал восприниматься с предлогом “без”, как в стихотворении Пушкина: “Без божества, без вдохновенья, / Без слёз, без жизни, без любви...” Вокруг воздвигнут искусственный мир, который представляет собой не более, чем хрупкие и пустотельные декорации. Декорации ошибки.

Поколение с пустым и тёмным будущим, ярко описанное в “Думе” Лермонтова. Удел этого поколения, как приговор: “Толпой угрюмою и скоро позабытой / Над миром мы пройдем без шума и следа...” Это лермонтовское стихотворение показывает, что и наша современная ситуация не уникальна, что этот сюжет неизменно присутствует в отечественной истории. Михаил Юрьевич показывает нам пример борьбы, изживания, преодоления демона пустоты как вектор от “Никто” к Богу в его знаменитом стихотворении “Нет, я не Байрон”, к восстановлению святынь.

Поколение с глубоким рубцом на сердце после разлома великой страны, с растоптанной историей и осквернёнными душами. Поколение, перед глазами которого развернулась трагедия тех, кто был выброшен на обочину жизни. Как, к примеру, герой романа Сергея Шаргунова “1993” Виктор Брянецв, приложивший руку к созданию лунохода, но в новых реалиях загнанный под землю – чинить прогнившие коммуникации города. Вместо этого на первые позиции стали выходить производные пустоты – хлестаковы, чичиковы. Полные нули, ни то ни сё.

Люди отказались от очевидного, казалось бы, безусловного, привычного – от борьбы. Превратились в тени. Они обречены на исход как наказание за грехи. Отчего пал Константинополь? За грехи. За унию – за договор с пустотой и разрухой.

В подобное состояние беспутства впала и литература. Она практически перестала реагировать на происходящее. Стала аутичной, забила в свою нору. Ситуация оказалась схожа с обрисованной Боккаччо в “Декамероне”: бегом, бегом из болеющей Флоренции на загородную виллу, где можно создать круг единомышленников вдали от смертельной инфекции, которая ох-

ватила всё вокруг, и смысла противостоять ей нет никакого! Эта литература стала ограждать себя от прочего мира оградой стилия. Внушила себе высоко-родность, стала отмежеваться от простолоюдинов, прикрываясь мантиями своих стилистических шифров, стала рассуждать о качестве, об эстетизме, всё более повисая в безвоздушном и беспочвенном пространстве.

И здесь крайне важно было появление в 2001 году манифеста Сергея Шаргунова “Отрицание траура” (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov.html). В нём он пишет, что литература, живущая в собственном герметичном пространстве, “больше не нужна народу”, она “обречена на локальность”, на существование в резервации. Необходимы открытые формы диалога народа и искусства, которые принадлежат друг другу.

Шаргунов сказал о среднем человеке, который “значительней и интересней любых самых бесподобных текстов”. При том, что все последние годы этот самый *средний простой человек* полностью игнорировался, он был не *героем времени*, а его аутсайдером, его пытались сравнить с полным нулём, вывести в *никто*.

Миру пустынному, дробному, хаотичному он противопоставил совершенно конкретные вещи, где “почва – реальность. Корни – люди”, и именно через них возможно преодоление этого состояния.

Шаргунов писал о “новом ренессансе”, о поколении, аналогичном Серебряному веку, которое сильно своей полнотой, пёстрым многообразием, где ушли на второй план идеологические противоречия, где торжествует настоящее искусство. Оно симфонично, поэтому и возвращается “ритмичность, ясность, лаконичность” текстов. Свой манифест молодой писатель завершил фразой: “Надо сказать просто: литература неизбежна”.

Удивительно, но и само заглавие этой небольшой статьи крайне важно и показательно. “Отрицание траура” – отрицание отрицания! – это квинтэссенция русской культуры, отражающая постоянный мотив борения с пустотой и распадом.

Именно преодоление пустоты стало знаменем поколения, которое заявило о себе в литературе в первое десятилетие нового века. Манифест Шаргунова отразил общее мироощущение, жажду выхода из состояния пустынножительства.

Этот вектор был воплощён в герое-бунтаре, которого категорически не устраивает нынешнее положение дел, и он приносит себя в жертву, чтобы противостоять разрастающейся пустоте. Таков Саша Тишин – герой романа Захара Прилепина “Санькя”, – который в финале выбрасывает рупор этой пустоты – помощника губернатора Безлетова – в окно.

В романе философ-чиновник, друг умершего отца Саши, исповедует особый либеральный нигилизм. Тишинской позиции неприятия существующего порядка вещей противопоставлена точка зрения, что никакого порядка и нет. Безлетов заявляет: “Здесь нет ничего, что могло бы устраивать. Здесь пустое место. Здесь даже почвы нет... И государства нет”. Страны никакой нет, людям лишь надо дать дожить “спокойно по их углам”, потому как “народ... невменяем”.

“Пустое место” Безлетова – это полное безвариативное небытие, без тенденции к восстановлению. “Россия должна уйти в ментальное измерение” – таков его приговор. Саша Тишин же утверждает, что “в этой стране революции требует всё”, так как всё заражено вирусами распада и пустоты. Революция – это преодоление разлагающей инерции. Ей он кричит в мегафон из губернаторской резиденции: “Вижу в вас гной, и черви в ушах кипят!”

Финал романа – восстановление традиционного отечественного культурного кода, осознание его основополагающей линии: обретение цели, постепенное возвращение ценностей.

После отрицания траура и жертвенной борьбы с пустотой появляется возможность чуда. Можно вспомнить характеристику Виктора Брянцева в романе Шаргунова “1993”: “чудак в ожидании чуда”. Это не лежание на печи и ожидание трансцендентной *манны*, а ожидание деятельное, трудническое, по примеру героя рассказа Фёдора Абрамова “Сказание о великом коммунаре” Силы Игнатьевича.

Мир воспринимал его в спектре от чудо-богатыря до чокнутого. Но этот человек, упорно проделывавший совершенно не понятный окружающим труд,

в итоге совершил чудо – “север от деревни отогнал”. Сорок лет крестьянин соорудил преграду на пути смертоносной силы – осушал болото, через которое, “как по трубе, хлынет стужа на деревню. Всё сжигало, всё убивало”.

Его малые дела сродни подвигам святого. Его труд превращался в определённое литургическое действие, совершаемое праведником, становился его актом коммуникации с Богом. Да и сам крестьянин воспринимал дело своей жизни не как простую механистическую работу, – для него это сражение, брань с чертями, война с болотом.

Схожий мотив деятельного чуда, которое преображает мир, воспроизвёл в своей повести “Полоса” Роман Сенчин.

В основу повести положен реальный случай, который чуть не обернулся катастрофой: 7 сентября 2010 года самолёт Ту-154 совершил аварийную посадку в бывшем аэропорту посёлка Ижма Республики Коми, который теперь, в годы тотальной оптимизации, свернулся до вертолётной площадки. Прототипом героя повести Сергея Шулина стал реальный человек – Сергей Сотников, который все годы следил за взлётно-посадочной полосой.

“Пусть уж могила, но не пустое место”, – считал Шулин. За этой могилой он и ухаживал все годы, несмотря на упрёки окружающих. Встал на пути пустоты. Годами совершая нерациональные, казалось бы, бессмысленные поступки, он следил за взлётно-посадочной полосой, вырубал на ней кустарники, гонял автомобили, которые норовили её занять, и тем самым предотвратил катастрофу – гибель пассажирского авиалайнера. Шулин вырвался из дурной бесконечности круга бесцельной жизни, вышел за пределы своей личной ограды и ощутил реальность цели, которая состоит в освоении, сбережении ценностей, а не в умножении пустоты.

“Что будет с территорией, на которой никого не останется?” – задаётся Шулин вопросом во время поездки в Москву на встречу с премьер-министром. Этот процесс не остановить действиями одного человека, даже если он – глава государства. Нужна общая воля общества, которое должно обрести цель, выйти, как Шулин, за пределы своей ограды или в пределах ограды и остаться, пока не ляжет в ней под землю насовсем.

Русский человек силён этим внутренним богатством – созидательной, собирающей силой, противостоящей разладу, распаду. В основе личности человеческой – не индивидуалистические мотивации, а духовная брань, совершающая чудо. Этот важный отечественный культурный код прочитало и восстанавливает поколение, которое в полной мере прочувствовало вселенскую катастрофическую ситуацию торжества хаоса и триумфального шествия пустоты по стране, по людским судьбам и душам. Восстанавливает не только в литературе, но, к примеру, в Новороссии, куда за правдой идут многие люди, доказывая, что за тысячелетие русский человек мало изменился. Он до сих пор на передовой, где Бог с сатаной борется. Значит, есть смысл, значит, есть цель. И будут возведены преграды на пути пустыни. И вслед за Шаргуновым можно повторить: “литература неизбежна”, – так как она – летопись этой брани!

г. Северодвинск